

18+

Ксения Немировская

ПУТЕШЕСТВИЕ

из центра Европы
вглубь себя

МЮНХЕН

ЗАГРЕБ

БЕРЛИН

Ксения Немировская

**Путешествие из центра
Европы вглубь себя**

«Издательские решения»

Немировская К.

Путешествие из центра Европы вглубь себя / К. Немировская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931671-4

Эта книга — калейдоскоп мыслей от Мюнхена до Москвы. Вместе с путешественником Антоном Кротовым я побывала в разных европейских и балканских городах. Разнообразие мира, общение с людьми, время наедине с собой — всё это было катализатором к новым осознаниям и смыслам. Их я облекла в книгу и делюсь с вами, мои долгожданные читатели.

ISBN 978-5-44-931671-4

© Немировская К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Путешествие из центра Европы	8
Германия	9
Мюнхен	9
Немецкий музей	11
Словения	21
Любляна	21
Блед	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Путешествие из центра Европы вглубь себя

Ксения Немировская

Дизайнер обложки Алексей Марычев

© Ксения Немировская, 2019

© Алексей Марычев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-1671-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга, которая сейчас перед вами – калейдоскоп моих впечатлений и мыслей по пути от Мюнхена до Москвы. Я отправилась в эту поездку за компанию: однажды мой давний друг Антон Кротов возвращался домой после насыщенного полугодичного путешествия и пригласил проехать вместе часть маршрута. Мы побывали в нескольких европейских и балканских городах; радовались разнообразию мира и интересному общению. Увиденное подталкивало меня к новым осознаниям. Впрочем, я тогда не подозревала, что ещё одним итогом этого небольшого путешествия станет книга. Честно, до сих пор удивляюсь. Мне кажется, получившаяся книга сродни своенравной кошке, которая приходит из ниоткуда, грациозно запрыгивает на колени и остаётся жить у тебя на долгие годы. Поначалу возникало ощущение, что не я создаю книгу, а она происходит со мной, прорастает из торопливых слов, написанных мною на билетах, салфетках и обрывках бумаги.

Началось всё с того, что по пути я записывала некоторые наши с Антоном смешные диалоги и делилась ими в соцсетях. Другим нравилось. Потом стала фиксировать особенно яркие впечатления и важные для меня размышления и, в конце концов, ощутила, что должна сделать книгу. Раньше я много раз начинала вести дневники во время поездок, а потом забрасывала. И с горечью замечала спустя время, что многие моменты моего становления, открытия о жизни и людях так и растворились в глубинах памяти.

«Всё, больше нельзя отступать», – подумала я. То, что в этот раз я должна написать дневник, ощущалось как неизбежность. Впрочем, это приятное чувство, когда оно касается творчества.

Я решила – пусть быстро, пусть медленно, пусть со стилистическими корявостями и погрешностями – книга должна состояться. Пусть она даже будет написана ради одного человека – меня самой – она должна состояться.

Я писала свой дневник не благодаря, а вопреки. Вопреки учебной и рабочей нагрузке, вопреки мрачным мыслям о том, что никто не захочет его читать. Вопреки канцеляризмам и тяжеловесным оборотам, которые бесцеремонно поселились в моей голове, пока я писала диплом (спасибо книге Норы Галь «Слово живое и мёртвое» – я помнила её заветы и стремилась сделать текст живым и лёгким). Я создавала книгу вопреки тому, что не видела себя писателем, и тогда непонятно, чем я, собственно говоря, занималась. Долгое время я старалась избегать слова «книга» по отношению к своим заметкам, потому что считала, что это заносчиво.

Я помню те дни, когда мне казалось, что почти всё доведено до конца, но долгое время это было всего лишь «почти». Я перечитывала главу за главой, находила всё новые повторы и несуразности, десятки раз перекраивала одни и те же фразы. Наверное, для многих писателей это вполне заурядный, привычный процесс, но я в первый раз всерьёз захотела, чтобы мои дневники добрались до читателей, и увязла в перфекционизме. Порой накатывало отчаяние: «Когда же я изнутри, интуитивно почувствую, что всё готово, свершилось? Когда перестанут терзать сомнения по поводу той или иной фразы? Какой виток редактуры станет достаточным?»

И однажды ко мне пришло это чувство. Оно было спокойным и освобождающим. Я понимала, что мой дневник несовершенен, но чувствовала, что готова отпустить его в свободное плавание. И с полным правом назвать его книгой. Почему нет?

И вот теперь она перед вами!

Хочу сказать огромное спасибо тем друзьям, приятелям и коллегам, которые в меня верили, подбадривали и ждали мой дневник. Благодаря им я чувствовала, что пишу не в пустоту.

Спасибо моим первым читателям – **Марине Фещенко, Алёне Сухоруковой, Валентине Тихоновне Липской, Антону Кротову, Марату Шахмаеву.**

Особую признательность я хочу выразить двум героям – **Андрею Троицкому и Юре Ямпольскому** – они не только прочитали весь текст одним махом, но и выкроили драгоценное время, чтобы помочь мне в редакции. Их зоркость и чувство стиля помогли справиться со многими опечатками и корявостями.

Благодарю за помощь **Алексея Марычева**, который помог создать обложку – именно такую, с волшебным настроением, какую я хотела.

Спасибо отзывчивым местным жителям, которые приглашали нас ночлег, кормили и дарили душевное тепло.

И, конечно, я безмерно благодарна своему драгоценному другу **Антону Кротову** – столько хороших поездок свершилось с его лёгкой руки! Мне однозначно повезло с ним как с заботливым, энергичным, терпеливым и умным спутником. Разделять вместе с ним путешествия было очень здорово!

Путешествие из центра Европы вглубь себя

*Посвящается
моему замечательному другу
Антону Кротову*

– Ну что, пойдём, потрогаем землю-мать! – оживлённо говорит мне Антон, выпрыгивая из машины, едва мы остановились на заправке.

Широким шагом мы идём к небольшому пустырю рядом с магазином, опускаемся на колени и прижимаем руки к песку, зачерпываем и растираем его в ладонях. От неловкости и радости меня разбирает смех – я ни разу не падала в благоговении на землю перед всем честным народом у забытой богом заправки.

Мы оба хохочем и обнимаемся.

До Москвы осталось несколько сот километров.

Антон не был дома целых двести двадцать пять дней. Я – всего девятнадцать. Но радуюсь не меньше, чем он.

Мы только что пересекли границу Украины с Россией и теперь чувствуем себя практически дома.

А на следующий день я отсыпаюсь уже в Москве. Здесь всё по-прежнему, но меня очередной волной охватывает любовь к своему городу. Пытаясь в который уже раз начать бегать, я выползаю под вечер в парк, люблюсь тем, как фонари умывают свои отражения в пруду. На бегу пытаюсь продумать хорошее начало своего дневника о путешествиях и теряюсь. Логично ведь начать с Мюнхена? А может, написать какую-нибудь предысторию? Но вдруг это будет слишком затянато и занудно?

Я останавливаюсь и заворожённо смотрю, как вода покачивает лики фонарей. Удивляюсь, что не замечала, насколько красивы такие привычные места рядом с домом.

И чувствую, что хочу начать именно с них – с акварельных огоньков в воде.

Потому что радость от встречи с обыденными вещами и есть один из главных трофеев, который я привожу из каждой поездки. В моих редких и прекрасных путешествиях я начинаю многому удивляться и ценить текущий момент; ощущаю интенсивность и наполненность жизни – во многом ради этого и хочется пускаться в дорогу. И когда возвращаюсь домой, в Москву, то на некоторое время перестаю убегать от настоящего; мне удаётся оставаться в обновлённом и созидающем состоянии.

Путешествия учат многому, но один из главных результатов моего спонтанного ученичества – именно это зарождающееся умение замечать своё настоящее. И проживать его, каким бы оно ни было – радостным или болезненным, вдохновляющим или разочаровывающим, интересным или рутинным. Иногда это даётся с большим трудом, но я не знаю других способов по-честному ощущать себя живой.

Германия

Мюнхен

После того, как я поступила на филфак, мои путешествия стали довольно редкими и избирательными. Зато я начала вести дневники. Причиной тому стала вовсе не учёба (многие думают, что именно там меня, якобы, научили писать); это произошло гораздо раньше, на литстудии. Но надо отдать должное – филфак косвенно повлиял на то, что я вернулась к писательству. Поглощая тонны классической литературы, я всё больше страдала от того, что моя собственная жизнь, мои впечатления и чувства остаются непроявленными, ненужными. Я бесконечно читала; и порой казалось, что меня с головой засыпало чужими историями, как тяжёлыми комьями снега. «А как же я? Мне тоже нужно место для собственной жизни, нужны собственные тексты!» – и я помню, что иногда не могла уснуть, пока не напишу несколько строк. Повертевшись с боку на бок, я вылезала из кровати, едва не чертыхаясь, и включала компьютер. Удивительно, но по ночам тексты получались особенно проникновенными; пока я перечитывала их, меня охватывала эйфория, и потом я мгновенно засыпала, успокоенная.

Что касается путешествий, то в те годы каждая поездка была особенно важна тем, что давала возможность остаться, наконец, наедине с собой без спешки и учебных долгов, заняться переоценкой смыслов и ценностей. Ведь именно в такие моменты я могла встретиться с разнообразием мира и ощутить, кто же я сама в нём, этом разнообразии. И мне захотелось всё это записывать, ведь даже очень важные открытия и мысли могут забываться, увы...

Я не возлагала никаких особых надежд на предстоящую поездку в Европу – просто хотела отдохнуть и проехать интересным маршрутом в компании Антона Кротова, опытейшего путешественника и одного из моих друзей. Антон не был дома больше полугода – 27-го декабря я приходила провожать его. Помню, как я грела руки, обхватив жёлтую пиалу с чаем и хохотала над шутками Антона. Смотрела на извечные кактусы, живущие на его подоконнике, а потом замечала падающие хлопья снега за стеклом. Одновременно и лето, и зима перед глазами... Антон реализовал очередной наполеоновский план: уехал путешествовать сначала по Индии, потом по Юго-Восточной Азии и Индонезии, а летом прилетел в Сан-Франциско – осваивать американские просторы.

Как любитель буржуйских стран я сначала хотела присоединиться к нему в Америке и проехать от Сан-Франциско до Майами. Но потом поняла, что пока мне сложно этот план реализовать – весь июнь будет сессия, кроме того, билеты и виза очень дороги, и не факт, что американскую визу мне вообще дадут. Скрепя сердце я решила повременить с Америкой. Оставался не менее хороший план Б – присоединиться к Антону, когда он будет возвращаться домой через Германию и Балканы. Так будет гораздо проще – и визу мне дадут охотней, и финансовые затраты, скорей всего, будут небольшими. Зная Антона, я подозревала, что вряд ли мы будем заселяться в Мэриотт-отель и выбирать на обед ризотто с трюфелями.

Антон на мой «план Б» тут же откликнулся: конечно, буду очень рад, получай скорей визу!

Дальше всё пошло как по маслу: французы без проблем выдали двухмесячный шенген. Попрыгав от радости, я сразу же решила проверить, какие будут авиарейсы на нужные мне даты, и тут же нашла копеечный билет прямым из Москвы в Мюнхен – 2990 рублей. Всё складывается столь легко, что даже не верится. Какая-то я стала недоверчивая.

Даже прилетев в Германию и заполучив в свой паспорт штамп мюнхенского аэропорта, я опускаюсь на скамейку напротив светящихся шикарных бутиков и просто сижу, чтобы дать себе время осознать: «Я уже в Германии. Впервые. Да, кроме шуток».

Изрядно проголодавшись, я отправилась в едальню с длинным названием «Gesund & Köstlich – Kantine im Rathaus». Просматривая ещё в Москве форумы о разных хороших местах в Мюнхене, я наткнулась на хвалебные отзывы об этой столовой, которая расположилась в самом центре Мюнхена. «Побуржуйствую немного до приезда Антона!» – подумала я.

Кантина, которая так и переводится с немецкого как столовая, оказалась превосходным местом: вкусные супы, тушеные овощи, десерты и соки. Многие посетители сидели во внутреннем дворе ратуши, за просторными деревянными столами. Какой же здесь стоял галдёж: потягивая баварское пиво громко смеялись и спорили мужчины, путешественники из других городов оживлённо делились впечатлениями друг с другом; между столами бегали дети и теребили своих родителей. Я подняла голову: над нами возвышались башни ратуши, украшенные хищными птицами и причудливыми животными, изваянными из камня. Не будь здесь людей, эти башни казались бы чужими и суровыми, даже грозными. Но сейчас, в мягком вечернем свете, когда улицы города наполнены жизнью, ратуша кажется мне заветом неисчезающей, вечной красоты, которую даже Время не осмеливается затронуть. В такие моменты, когда настоящее мгновение встречается с каким-нибудь артефактом далёкой эпохи, я чувствую волнение, оттого, что на моих глазах все времена соединяются в одной точке.

Я отправилась гулять по центру, куда-то в сторону станции Карлсплац (Karlsplatz). Люди здесь очень внимательные: стоит мне остановиться посреди улицы и раскрыть карту, как кто-нибудь из прохожих обязательно первым спросит:

– Что Вы ищете? Я могу Вам помочь?

– Спасибо, я уже разобралась. Благодарю вас.

Отзывчивость местных жителей неизменно радует.

– Я уже дома, можешь приезжать, – пишет мне Таня.

У Антона едва ли не в каждом городе есть друзья, поэтому ночёвка в гостинице или хостеле воспринимается скорее как исключение. Вот и здесь, в Мюнхене, живёт подруга Антона – Лина Берова с соседями. Лина долгое время читала новости из жизни Антона в его Живом Журнале. А когда узнала о том, что Антон собирается снимать дом в Берлине¹, стала активно помогать с поисками подходящего жилища. Так они и подружились. Сейчас Лины не было в городе: она так вдохновилась антоновой идеей «Дома для всех», что уехала на Украину, чтобы реализовать такой проект в карпатской деревушке. Заботу о нас с Антоном Лина перепоручила своей соседке Тане.

¹ Дом Для Всех (Дом АВП) – особый проект (изобретение) Антона Кротова и Академии Вольных Путешествий. В одном из городов мира организуется (снимается на два-четыре месяца) квартира или дом. Это жилище становится Домом Для Всех. Каждый человек в мире может приехать в этот дом, остановиться там, пожить какое-то время, изучить окружающий город, местность, регион. [...] Жить в Доме может человек с любыми финансовыми возможностями [...]. Обязательного для всех денежного взноса, необходимого для проживания, не существует. Если есть желание и возможность, можно сделать любое пожертвование на Дом (информация из ЖЖ Антона Кротова – <http://a-krotov.livejournal.com/369270.html>). На данный момент, когда я пишу эти строки (ноябрь 2017), создано более 50 Домов Для Всех. И они продолжают создаваться.

От станции Фрайденхаймер штрассе до дома Лины очень близко – минутки две. Я иду долго, потому что беспрестанно фотографирую. Ужасно нравятся невысокие дома с балкончиками, каждый из которых похож на оранжерею. Они увиты плющом и виноградной лозой, на широких перилах стоят кадки с цветами – всё нарядно и празднично.

Здесь у меня создаётся ощущение, что каждый житель воспринимает не только свой дом, но и город в целом как пространство, о котором важно позаботиться, сделать его краше, лучше.

На двери нужного мне дома нахожу звонок с надписью Lina Berova и поднимаюсь на последний этаж, под крышей. Дома меня действительно встречает Таня, с которой я переписывалась, ещё будучи в Москве; и Вика.

В Мюнхене Таня учится в магистратуре и работает. «Узнаю брата Колю», – подумала я, заметив, какая она всегда занятая.

Вика приехала недавно и учит здесь немецкий. Как потом выяснилось, мы с Викой однажды пересекались в Москве. Как-то раз мои друзья решили по-особенному отпраздновать Новый 2014 год, и мы отправились на гангстерскую вечеринку, которую организовал клуб путешественников. Вика тоже там была, и даже вспомнила, что меня видела. А познакомились мы в итоге только сейчас, в Мюнхене.

Вика по образованию программист, но душа у неё лежит ещё и к языкам. Она рассказывает, как выучила итальянский, и, чтобы разговориться на нём, ездила несколько недель по Италии, останавливаясь только у местных жителей через популярный сайт каучсёрфинг², которым пользуются многие путешественники. Многие из тех, кто принимал Вику в гостях, английского не знали. Это играло положительную роль: не было соблазна переключаться на другой язык, кроме итальянского. И затея удалась: через некоторое время Вика легко говорила. Теперь же пришёл черед пасть бастионам немецких местоимений и глаголов.

Я по-хорошему завидую людям, которые с такой лёгкостью учат языки – думаю, всё-таки секрет здесь не только в трудолюбии, но и во врождённых способностях.

Немецкий музей

Немецкий музей в Мюнхене (Deutsches Museum), он же крупнейший в мире музей естествознания и техники – оказался настолько крут, что мне захотелось написать о нём тысячи хвалебных строк. Выбрала я его второпях, пока ждала посадки на самолёт и листала «Redigo» – приложение для путешественников.

В целом на Мюнхен у меня было два с половиной дня, но я знала, что завтра вечером приедет Антон, который не фанатеет от музеев, особенно если они недешёвые. Да и после приезда Антона они мне не понадобятся, потому что общение с хорошим другом для меня интересней многих культурных походов.

Значит, нужно сходить завтра днём. Я залезла в Redigo. Автомобили BMW меня не заинтересовали, музей «Пива и Октоберфеста» тоже не вызвал отклика. В общем, не понять мне многие мужские пристрастия.

Концентрационный лагерь Дахау? Это интересно, даже очень, но боюсь, что после поездки в Дахау мне придётся несколько дней отходить от тяжелых впечатлений. Нет, пока я не готова, нужно что-нибудь нейтральное. «Немецкий музей достижений естественных наук и техники» – о, это уже интересно. Читаю восторженные отзывы о том, что музей – настоя-

² Каучсёрфинг (<http://www.couchsurfing.org>) – это международная система гостеприимства, которая объединяет людей, интересующихся путешествиями. Этот сайт помогает путешественникам находить бесплатный ночлег во многих городах по всему миру, и так же принимать гостей у себя дома. Кроме того, самые активные участники каучсёрфинга организуют встречи, на которых можно познакомиться с новыми людьми, получить хорошую языковую практику и найти единомышленников для совместных культурных вылазок и поездок.

щий подарок для мальчишек, потому что многие экспонаты можно трогать, забираться внутрь, исследовать. То есть экспозицию составляли с расчетом на то, что людям будет интересно понять принципы работы разных сложных механизмов, начиная с прядки и заканчивая космическим кораблём. Отлично! Я как раз до мозга костей практик, нежели теоретик, значит, музей просто создан для меня!

Вика предлагает составить мне компанию – она сама всего несколько недель как в Мюнхене, и ещё не успела побывать в Немецком музее.

На следующий день мы с Викторией встретились у фонтанов на площади Карлсплац и отправились к музею пешком. На центральных улицах отовсюду слышны звуки разных инструментов – гитары, скрипки, саксофона, укулеле. Играют солидные люди и молодёжь, в одиночку и целыми оркестрами. Я остановилась как вкопанная, услышав знакомую музыку корейского композитора И Рума (Yiguma). Молодой юноша, одетый в простецкие шорты и футболку, сосредоточенно и чисто играл классику, сидя за белоснежным роялем. В приподнятой крышке рояля отражались ветви дерева; его густая крона создавала блаженную тень. Музыкант заиграл что-то из моего любимого Шопена. Я не могла удержаться и фотографировала его, чувствуя неловкость, потому что затвор фотоаппарата, казалось, щёлкал слишком громко. Но звуки рояля и шум города органично переплетались между собой, и щелчки фотоаппарата были ещё одним знаком благодарности за эту музыку, сродни аплодисментам.

Наконец, избежав многочисленных соблазнов вроде уличных оркестриков, мы пришли к музею. Он оказался внушительным – по масштабам можно сравнить с нашим Эрмитажем, или музеем Прадо в Мадриде – целых семь этажей экспонатов! Семь этажей науки и технологии!

По сути, музей знакомит своих посетителей с разными ремёслами, профессиями и областями промышленности. Там есть залы, посвящённые освоению воды и суши, небесных просторов и земных; залы, где можно вспомнить суть законов физики, подзабытых после окончания школы; залы для девочек (как я их окрестила) с изделиями из керамики, с ткацкими станками; зал с музыкальными инструментами.

Всё началось с мореходства – у входа возвышались огромные парусники, дальше – лодки поменьше для рыбаков-одиночек и долблёнки из цельного дерева. А у стен за стеклом стояли маленькие, искусно сделанные модели древних судов, точь-в-точь повторяющие настоящие корабли. Каждый раз, когда я вижу такие хорошенькие кораблики, вспоминаю рассказ Бориса Жидкова «Как я ловил человечков». Помните? Там в гостях у бабушки мальчик увидел такой вот игрушечный пароходик. Он был невероятно похож на настоящий, и мальчик подумал: «Там обязательно должны жить человечки!». И несколько дней и ночей пытался их выследить и приманить конфетами. Вы, наверное, смеётесь, а я вот до сих пор не могу избавиться от ощущения, что на таких корабликах в самом деле живут крошечные человечки. Только вот от нас они умело прячутся. Именно к кораблям у меня особо трепетное отношение, будто все они живые.

Вскоре мы обнаружили лесенку, которая манила нас вниз.

– Это тоже часть экспозиции? – засомневалась я. – Спустимся, Вик?

– Раз никаких запрещающих знаков нет, значит можно. Пойдём.

Внизу недвижно стояли первые сумбарины – узкие и тесные. Некоторые из них были построены в начале прошлого века, так что они застали и пережили Первую мировую войну.

Ох, с моей боязнью закрытых пространств от вида музейных моделей становится не по себе. Кажется, что так душно и тесно жить в этих металлических капсулах, да ещё погру-

жаться в равнодушную холодную толщу воды. По наивности я думала, что и современные подводные лодки тоже небольшие. Пока не пообщалась однажды с человеком, который служил в морском флоте; он рассказывал, что сумбарин могут быть размером с многоэтажный дом, так что даже забываешь, что находишься в глубине моря. Впрочем, я всё равно не отважилось бы на такое плавание.

Тем временем лесенка-чудесенка уводила ещё ниже. Почему-то исчезли надписи на английском, остались только на немецком; а вместо необъятных светлых залов мы очутились в узких, извилистых коридорах, освещенных желтоватым светом тусклых лампочек. Что же тут может быть? Аппараты, которые исследуют земное ядро? Оказалось, мои догадки были недалеко от истины – в подвальных залах можно было досконально почувствовать сложность шахтёрского ремесла. Очувтившись здесь, я вспомнила, как, будучи подростком, читала книгу Евфросинии Керсновской «Сколько стоит человек». Она писала о том, как в начале 1940-х годов ей пришлось покинуть родную цветущую Бессарабию – её арестовали как помещицу и отправили в тюрьмы Сибири. Там она осваивала самые тяжёлые мужские профессии – работала в морге, затем в шахте. И «шахтинские» главы почему-то были мне особенно интересны. Читая, я отчётливо представляла, как всё это происходило – как изнурённые, полуголодные люди спускались в темноту и тишину, бурили шурф, обрабатывали забой, чудом спасались от обвалов и наводнений, переживали смерть тех, с кем работали бок о бок. И при всём при этом искренне любили свою работу.

Теперь я могла видеть шахту воочию.

Здесь, внизу, были воссозданы повседневные моменты из жизни горных мастеров: вот крепильщик устанавливает перекрытия в забое, а проходчики вручную отгружают уголь в деревянные вагонетки. Все они в протёртой одежде, на головах – лёгкие кепки, которые никак не смогут защитить от падающих камней. Видимо, так работали в шахтах, когда эта профессия только появилась. В гнетущей темноте, грязи и неизвестности – выйдешь ты сегодня живым наверх или нет. Мы с Викой притихли.

Но с каждым шагом картина становилась всё более обнадеживающей: мы шли мимо широких и ярко освещённых шурфов и забоев, где современных рабочих защищали прочные шлемы и специальные маски. И хотя их труд по-прежнему тяжёл и опасен, сейчас в шахтах много техники, которая облегчает участь горняка, вроде скреперов с большими ковшами, огромных лебёдок и других прирамбасов, которые, наверное, ужасно интересны мальчишкам.

Выбравшись наверх, мы очутились в краю мельниц. Здесь было светло; после шахты нужно время, чтобы привыкнуть. Сквозь длинные, высокие окна лилось солнце, под старыми мельничными колёсами журчала вода, и я, наконец, выдохнула с облегчением.

Были здесь и более современные механизмы с какими-то трубами, шестернями и валами, так что порой возникало ощущение, что очутился внутри огромных часов. Меня очаровала самая большая из старых деревянных мельниц – своим размеренным ходом и уютным поскрипыванием она напомнила мне светлые детские сказки, в которых всегда обретаешь счастье, что бы ни происходило.

А потом мы попали в залы, по которым можно изучать физику – сообщающиеся сосуды, всевозможные маятники, оптические фокусы... Никогда у меня не было склонности к точным наукам, но физику я любила за её конкретность и приближенность к жизни. И до сих пор я помню нашего преподавателя – прекрасного Владимира Владимировича Сперантова – улыбающегося и тёплого, с живым взглядом. Ему было за семьдесят, когда он преподавал у нас. Мне казалось, что он пришёл к нам напрямую из XIX века, настолько он был с нами по-рыцарски

галантен, уважительно называл нас, двенадцатилетних школьников, на «Вы», и всегда отвечал на все вопросы, включая самые смешные. А мне тогда действительно очень хотелось узнавать о том, как всё устроено в мире, и каждый урок я спрашивала: «А как тяжёлый самолёт держится в воздухе и не падает?», «А почему нельзя прыгнуть с балкона с зонтиком как с парашютом?», «Как работает центробежная сила?», «Как возникают миражи в пустыне?». А мои одноклассники в это время были одержимы идеей вечного двигателя и каждый раз придумывали варианты как его создать. И Владимир Владимирович всегда воспринимал нас всерьёз, обсуждал с нами мои вопросы и гипотезы мальчиков и старался сухую теорию объяснять на пальцах и живых примерах.

А однажды он устроил нам праздник – взял наш класс с собой в университет недалеко от станции метро Спортивная (где он тоже преподавал), чтобы показать живую разные физические явления – например, броуновское движение или опыты с вакуумом. Помню, как мы смотрели, затаив дыхание. И самым ценным были не только эти эксперименты, но то, как В.В. стремился «заразить» нас своей увлечённостью.

Притом, что всю жизнь он посвятил именно физике, Владимир Владимирович оказался разносторонним человеком: моё восхищение достигло поистине космических высот, когда я узнала, что в свободное время он играет на пианино и рисует картины. «Чего и вам советую, – доброжелательно прибавил он. – Очень развивает правое полушарие. И в целом искусство – прекрасная и незаменимая вещь».

Проведя в Немецком музее полдня, мы с Викой поняли, что так вот, с наскока, нам его не покорить – мы успели увидеть только четверть экспозиции.

– Давай посмотрим ещё один зал, какой-нибудь самый интересный, и на этом закончим, – предлагает Вика.

– Мне подходит, – соглашаюсь я, чувствуя, что изрядно устала и проголодалась.

Мы единодушно выбрали космонавтику и не прогадали.

В полутёмных залах сияли макеты кораблей, а чуть дальше, в густой темноте парил космонавт. Жёлтый фал, как пуповина, уводил куда-то в черноту, к ракете. Наверное, местные жители, попав сюда, представляют какого-нибудь известного немецкого космонавта, но я сразу вспоминаю Леонова, который первым вышел в открытый космос и чудом остался жив.

Из музея вышли совершенно обалдевшие; Вика поспешила на встречу с местными каучсёрферами, а я без сил повалилась на скамью в тени. И почему хождение по музеям считают отдыхом? По-моему, когда смотришь интересную экспозицию, то неизбежно эмоционально включаешься, впечатляешься, и это, между прочим, – серьёзный труд. Может быть, я, как человек эмоциональный, именно так хожу по музеям, но в эмоциях и переживаниях для меня как раз и кроется смысл таких вещей, главное их удовольствие.

Скоро пойду встречать Антона. В запасе ещё два часа и я, млея от солнца, иду по улице Museumsinsel (слово это переводится как «остров музеев»). На этом острове, помимо музеев, несколько приятных галечных пляжей. Так непривычно, что можно купаться в самом центре города. У нас мало кто отважился бы поплавать в Москве-реке – слишком уж грязная она для подобных подвигов. Но воды реки Изар бегут с альпийских гор, поэтому купаются здесь все от мала до велика.

Напротив пляжей, на другой стороне улицы, над деревьями возвышался могучий костёл – храм Святого Луки.

Тяжёлые двери открываются совершенно беззвучно. Я очень люблю бывать в католических храмах: здесь окутывает свободная, широкая тишина, пронизанная лёгкими потоками солнца. Так хорошо в эту тишину укутаться и сосредоточенно замереть, чтобы гул окружающего мира отступил и дал немного пространства для невидимой, но важнейшей душевной работы.

Близится время встречи с Антоном, и я выхожу, стараясь ступать совсем неслышно.

Антон полтора-два дня в пути – со сменой часовых поясов я уже запуталась. Из Майами он прилетел в Манчестер, а вчера вечером приземлился в Гамбурге. И теперь из Гамбурга нашёл автобус за один евро (о дешёвизне некоторых «буржуйских» автобусов он радостно писал мне утром) и едет сюда. Мы не виделись полгода, и я радуюсь предстоящей встрече. Подумать только – мне повезёт первой услышать истории и байки про американское путешествие, пока Антону не надоело об этом рассказывать.

«Интересно, сильно ли мы изменились за эти полгода?» – думаю я, пытаюсь разобраться в многоуровневых переходах станции Карлсплац (Karlsplatz).

Я невольно сужу по себе – до того, как я начала заниматься гештальт-терапией, в основном путешествия были для меня очень действенным катализатором к тому, чтобы многое переосмыслить и осознать. И неважно, десять дней длилось путешествие или пару месяцев. Я всегда ощущала себя так, будто выпадаю из привычного хода вещей, их устойчивого порядка и оказываюсь в условиях, где ход времени замедляется, а ход мыслей, напротив, становится предельно ясным, стремительным и насыщенным. Помимо впечатлений и фотографий я возвращалась домой с новым ощущением себя, более полным и целостным.

У некоторых людей подобные трансформации происходят ещё интенсивнее – они изначально намереваются совершить духовное путешествие и едут в индийский ашрам, отправляются в паломничество. Или же бросают себя в сложные, непривычные условия, скажем, сплавляются по горным рекам или решаются на автономный поход по тайге, чтобы испытать себя и узнать: «А каким ещё я могу быть? Как я буду выдерживать трудности? На что я готов пойти? И чего ради?».

Антон ездит иначе. По крайней мере, те несколько лет, что мы дружим. Думаю, раньше путешествия сильнее влияли на его становление. Ведь после интенсивного знакомства с Востоком и арабской культурой Антон принял ислам. Но сейчас взгляды Антона ощущаются как сформированные, устоявшиеся. И я полагаю, его главная цель в путешествиях – не самому меняться, а помогать другим в их изменениях. Он вдохновляет людей, когда рассказывает о разнообразии мира и делится своим незаурядным опытом.

Несколько бело-синих автобусов, похожих на Мегабас, выдернули меня из размышлений. Наконец, пятым или шестым по счёту оказался правильный автобус, проделавший путь из Гамбурга. Антон как ни в чём не бывало соскочил со ступеней и улыбнулся:

– Я тебя ещё издалека приметил! Тут сверху такой обзор!

– Привет! – улыбаюсь я, теряясь от ощущения, будто мы виделись вчера. Как это странно, будто время произвольно съёживается или, наоборот, растягивается грузными, полновесными минутами, как ему заблагорассудится.

Наконец, спохватываюсь:

– Пойдём, отведу тебя домой. Ты ведь устал, больше суток в пути!

Антон совершенно не изменился. По-всегдашнему деятельный и оживлённый. И сразу начинает шутить, едва появляется хоть малейший повод. Покупая билет на метро, смеётся над «буржуйством» европейского мира:

– Смотри, Ксюх, как автомат жадно всасывает деньги! А сдачу, наоборот, неохотно дает, выплевывает по копейке, думает, дать ли еще или не давать.

Вечером мы с Антоном отправились в восхваленный Таней и Викой парк недалеко от дома.

Сознаюсь, мной владели глупые стереотипы о том, что в Европе парки должны быть разлинованными, подстриженными листочек к листочку, и даже муравьи ползают по специально размеченным для них дорожкам.

На поверку парк оказался настоящим густым лесом, тенистым и прохладным. Время от времени нам попадались последние вечерние бегуны.

Брат одной моей подруги Даши, рассказывая о любопытных моментах своей жизни в Германии, упоминал, что тут многие ведут здоровый образ жизни и любят пробежки. Поделилась этим с Антоном:

– Мне говорили, что в Европе сейчас очень модно бегать, все повально этим увлекаются.

– Конечно, побегаешь, когда метро стоит два с половиной евро. Если бы у нас в Москве оно столько стало стоить, все тоже забегали бы. А вот в Каире метро стоит пять рублей и никто не бегают.

Я от души хохочу и вдыхаю мягкий, пронизанный светом воздух. Мне очень нравится, как Антон шутит, переворачивая всё с ног на голову, придумывая каламбуры и стихи. Сейчас я понимаю, насколько соскучилась по его юмору.

Мы общаемся запойно. Антон спешит поделиться своими впечатлениями от Америки, рассуждает об их уровне жизни, плюсах и минусах; о судьбах людей, когда-то уехавших за океан. Некоторые из них счастливы и довольны новой жизнью, но есть и такие, кто не приспособился и не принял чуждую действительность. Так что «американская мечта» в некоторых случаях может оказаться подлинным счастьем и благополучием, а в некоторых – лишь навязанным, лакированным стилем жизни с вымученным и пустым содержанием. С рассказами Антона я лишней раз в этом убедилась.

Поговорив о прошлом, мы устремляемся мыслями в будущее. Антон всегда знает, как должна быть устроена его жизнь и планирует все свои дела и поездки на несколько лет вперед. Я же так не умею, да и не уверена, что хочу этому научиться. Но сейчас я тоже много думаю о том, как выстраивать свою жизнь в будущем, потому что через год наконец-то закончу университет. Делюсь вслух своими мыслями и желаниями, и замечаю, что они противоречат друг другу. А как всё сложится в реальности, пока неясно. Мне тоже, как и Антону, хочется пожить некоторое время в разных городах, особенно зимой уезжать в тёплые края. Но, с другой стороны, через год я хочу все силы бросить на то, чтобы реализовываться в плане работы, следовать своему призванию, тем более что учебная нагрузка никогда не позволяла уйти с головой в другую деятельность. Так что пункт первый – искать идеальную работу; и я мучительно думаю, что же у меня получается лучше всего? Писать тексты? Значит, нужно отправиться в издательства и журналы. Но ведь я ещё учусь на гештальт-терапевта, и этот вид деятельности вдохновляет необычайно! Тогда, выходит, нужно развиваться в нескольких направлениях. Получится ли? И ещё мне важно оставлять время и средства для любимых хобби – музыки, танцев.

Когда-то я простодушно полагала, что всё, что ты любишь, должно получаться и успеваться, если это настоящая любовь. Но со временем замечаю, что от многого в жизни приходится отказываться в пользу чего-то другого; и это печалит. И выбор порой совсем неочевиден и очень мучителен, а самонадеянные лозунги вроде «Кто хочет, тот всегда найдёт возможности» хороши только на словах. А в реальной жизни я часто вижу, как мои талантливые

и умные друзья забрасывают музыку, чтобы справляться с ролью главы семьи или, напротив, ведут совершенно аскетичный образ жизни, перебиваются случайными заработками и не могут сполна обеспечивать своих детей, но посвящают свою жизнь рисованию или пению. Я вижу, как люди годами отказываются от путешествий и отпусков, чтобы дать детям хорошее образование. Как ходят на ненавистную работу и уделяют мало времени любимому делу, чтобы выплачивать кредиты и достраивать собственное гнёздышко в деревне. И наоборот, некоторые не готовы к рутине и обязательствам и делают всё, чтобы их избежать, даже если близкие люди страдают от этого. И я не готова судить, кто из них прав. Я просто замечаю, как в реальной жизни такой выбор происходит. И нелегко от того, что принятое решение не всегда освобождает от сомнений. Правильно ли я сделал, что выбрал программирование, а не актёрство? Верно ли я поступила, что не уехала вслед за любимым человеком в другую страну, а выбрала жизнь на родине? Не предаю ли я себя, если наоборот, брошу всю жизнь здесь и уеду к нему? Правильно ли я делаю, что выбираю основательно подготовиться к экзамену и поэтому не успею навестить любимую бабушку, хотя не знаю, сколько дней нам отпущено? И такой выбор – не что-то надуманное, он появляется едва ли не каждый день. Иногда по мелочам, и всё же эти мелочи существенны, и приходится брать ответственность. Даже если решаешь не выбирать – увы, это тоже выбор.

Освободить в жизни место всему, что ты любишь, я считаю задачей со звёздочкой. Пока мы идём по прохладным сумеречным тропам, делюсь с Антоном своими мечтами и опасениями. Антону – человеку, который уже много лет реализует себя в книгах о путешествиях и в самих путешествиях – мои сомнения кажутся надуманными. Тут же с присущим ему энтузиазмом Антон предлагает разные способы разрешения любых проблем. Но я вздыхаю и остаюсь в сомнениях. Нет, он изобретает хорошие варианты, но я чувствую, что они совсем не про меня, и я не могу просто взять и приклеить их к себе.

«Дорога появляется под шагами идущего» – наверное, это как раз про таких людей, как я, которые не умеют вылеплять будущее загодя. Нужно пробовать, пересиливать страх, прислушиваться к себе и осознавать. И просто это только на словах. А на деле это напоминает ориентирование на непонятной местности, где ты впервые, и где многие пытаются помочь, делясь своим опытом. И ты встречаешь чужие опознавательные знаки, есть соблазн пойти по ним, потому что ты видишь, что вот же, по ним прошли люди, и с виду у них всё нормально. И всё-таки чувствуешь, что останешься верным себе, только если начнёшь протаптывать свою тропу. Придётся выдерживать неизвестность, справляться с тревогой и смятением; и порой не единожды захочется сойти на протоптанную дорожку. И ты сходишь, а потом всё равно ощущаешь, что нужно вернуться к себе.

Помню, как-то разговаривала с десятилетним мальчиком Мишей о катании на лыжах и он сказал:

– Мне нравится протаптывать свою лыжню. Так интересней. А иногда я выбираю продолжать незаметную лыжню, которую протоптал один человек.

Общаясь с Антоном, я чувствую разливающуюся внутри радость. Да, те способы жизни, которые он практикует, не подойдут мне, но я радуюсь громогласному энтузиазму своего друга. Моё настроение начинает резонировать с его жизнеутверждающими эмоциями, и я чувствую, что на самом деле верю – многое получится! И даже это новое путешествие – тому подтверждение. Ещё пару месяцев назад я подавалась на визу, не зная, одобряют ли её, искала билеты, думала про финансы, и поездка казалась мне призрачной, как это бывает, когда нет определённости. Но вот я уже здесь, в Мюнхене, и причиной тому – не только поддержка Антона, но и моё желание и энергия на то, чтобы это сбылось. Вот оно, живое подтверждение. Я тоже

умею быть самой себе волшебником. Хоть и бывает порой страшно. Но в путешествиях я очень явственно ощущаю силу собственных возможностей и намерений.

И хорошо, когда оказываются рядом «маги со стажем», такие как Антон, которые не могут пройти со мной сложный путь, но могут вдохновлять.

За разговорами мы выходим к широкому пруду; его озаряет спокойный вечерний свет солнца, и утки скользят по воде, избегая нас, шумных и нарушающих их пасторальное уединение. На другой стороне пруда прячется за деревьями круглая беседка. Издалека видно, что она каменная, с колонами; а на нашей стороне возвышается усадебный дом.

Очень хочется побыть здесь подольше, но европейские комары, вопреки моим ожиданиям, ведут себя совсем неделикатно и кусаются так же больно, как их наглые собратья из России.

Мы возвращаемся обратно в сумерках и встречаем необычного бегуна, которого и не предполагали застать в этих краях. Он заявил о себе треском сухих сучьев; потом промелькнул буквально в пяти метрах от нас – грациозный и гибкий и, неистово перебирая сильными своими ногами, унесся дальше, в чащу. Я едва не вскрикнула от восторга, и схватила Антона за запястье:

– Ты это видел?!

– Да, животное какое-то.

– Это же олень! Или косуля?! С ума сойти, они здесь водятся! Да это прямо дикий лес посреди города!

– Давай выбираться, пока нас здесь в диком лесу никто не съел.

Как мне объяснили потом, в мюнхенских парках действительно водится разнообразная живность, начиная с белок и кроликов и заканчивая оленями и косулями.

Дома мы обнаруживаем ещё одного обитателя – Илью. Как оказалось, девочки поселили нас именно в его комнату. Вчера Ильи не было, и знакомимся мы только сейчас.

Я расспрашиваю о том, как ему живётся здесь, в Германии.

– Мне нравится, – спокойно и взвешенно говорит он, – я уже давно здесь живу, двенадцать лет

И рассказывает, что переехал из Нижнего Новгорода, и сейчас воспринимает именно Мюнхен как свой дом, а вовсе не Нижний. Иногда, конечно, приезжает в Россию повидаться с родственниками, но желания вернуться не возникает. По профессии Илья программист, но уже давно работает в театре вместе со своими друзьями. Кажется, специалистом по технической части. Такая работа ему по душе.

Мне всегда очень интересно расспрашивать русских, живущих долгое время в других странах. Задавая вопросы, пытаюсь понять их мировосприятие, ценности. Я немного встречала таких людей, и все они производят впечатление по-настоящему удовлетворённых своей жизнью. Раздумываю о том, счастливы ли они, потому что переехали? Был ли переезд существенным фактором? Или, может, они получают удовольствие от жизни благодаря тому, что сами – умные и цельные личности? И были бы счастливы во многих уголках планеты просто потому, что так устроены и умеют созидать подходящую им реальность в любом выбранном месте?

Утром, когда мы собираем рюкзаки, готовясь к отъезду в Любляну, я передаю Антону небольшую партию книг, странички из атласа по нашему маршруту и хвалебные статьи про Антона на украинском – чтобы пограничники сразу поняли, какой он хороший.

– А приглашение ты захватила?

Я, ещё минуту назад гордая тем, что всё ценное довезла и ничего не забыла, похолодела и выдавила почти шёпотом:

– Нет. Забыла... Совершенно забыла...

Приглашение Антону делал Андрей Сапунов из Киева, давно известный в нашей компании. Я должна была забрать его через одну нашу приятельницу – Таню Яшникову. И мы с ней даже переписывались по этому поводу в начале июня. Но я предложила встретиться после того, как закончится сессия, и я буду свободней. ... и забыла напрочь, будто такой договорённости и не было. Таня, которая всё лето активно ездит по фестивалям, видимо, тоже забыла за всеми своими делами.

А в итоге именно из-за меня повышается риск того, что Антона не пустят на Украину, и он так и не посетит «Хату в Карпатах» – Дом для всех, который устроила Лина Берова. Утро казалось непоправимо испорченным. Я отчаянно думала, как исправить эту ошибку, можно ли всё-таки переправить приглашение – почтой, самолётом, оказией? Но мы ведь всё время будем ехать, ночевать в хостелах и на вписках, и даже если отправить приглашение на конкретный адрес, мы можем уехать оттуда раньше, чем оно придёт. Всё это сомнительные варианты. Я совсем не знала, что делать. Чувство вины накрыло меня с головой.

– Ты очень сердисься? – наконец спросила я, чуть не плача.

– Я совершенно не сержусь на тебя. Просто удивительно, что обе такие хорошие женщины разом забыли про приглашение. Ну, раз повышается вероятность того, что нас не пропустят на украинской границе, то нужно придумать, что мы будем делать в таком случае, – спокойно сказал Антон, раскладывая на столе карту. И добавил:

– Не переживай. Бывает.

Я мрачно вертела в руках чашку с чаем. От слов Антона мне стало легче, но я всё думала, можно ли как-то исхитриться и заполучить приглашение. Антон тем временем, изучив карту, сказал:

– Мы сможем пробраться на Украину со стороны Молдавии, а если они не захотят нас заполучить, то просто вернёмся в Кишинёв и оттуда улетим задёшево в Москву.

– Хорошо. Так и будем действовать, – кивнула я.

И вдруг мне пришёл в голову самый простой и действенный вариант:

– Антон, мы же можем попросить Таню прислать нам скан приглашения. Цветной, и распечатать тоже в цвете. Тогда там и подпись, и печать – всё будет видно. Им же должно этого хватить!

– Да, но пограничники могут захотеть оригинал приглашения.

– Да, но ведь копия всё же лучше, чем ничего. Я напишу Тане.

– Хорошо, напиши. Ну что, пройдемся по окрестностям? Давай я покажу тебе самые дешёвые продукты в Германии!

Антон очень любит находить разные способы оптимизации расходов, у него неоспоримый талант в этой области. В любой стране, начиная, скажем, с Эфиопии, и заканчивая Швейцарией, Антон умеет найти обычный магазин или супермаркет, а в нём – самую дешёвую, простую еду. Вот ещё одно подтверждение тому, что можно путешествовать по миру, даже не обладая несметными богатствами. Хоть и не всем подойдёт спартанский образ жизни, но, тем не менее, существуют способы, которые позволяют путешествовать по очень разным странам. И эти способы вполне доступны человеку с рядовой зарплатой.

– Вот, гляди, самая правильная еда! – хватает меня за локоть Антон и показывает на баночки и упаковки под маркой с оптимистичным названием «ја» («да» по-немецки). Глаза его радостно блестят, словно он получил приз в игре.

С аккуратных прилавков в нашу корзинку перекачывают йогурты и пудинги, бутылка молока, яблочное пюре, хлеб и обожаемая Антоном квашенная капуста, которая на немецком почему-то называется «винная капуста».

Мы садимся перекусить на безлюдной детской площадке. Ммм! Кто бы мог подумать – оказывается, в Европе чертовски вкусное молоко! Прохладное, насыщенное и насыщающее. Я так люблю его, что когда давным-давно прочитала в детской книге о существовании специального райского напитка, то подумала, что это должно быть молоко!

Насладившись поздним завтраком, мы гуляем по окраинам города, и я начинаю замечать любопытные бытовые мелочи. Например, меня не перестаёт удивлять то, как местные жители доверяют друг другу: они почти никогда не пристёгивают свои велосипеды! Какой контраст с Россией, где я неоднократно слышала от друзей истории, что даже у пристёгнутых велосипедов отвинчивали колёса, сиденье, руль – в общем, всё, что только можно открутить и забрать с собой. И происходили эти истории в столице, где велосипед давно уже перестал быть роскошью. Впрочем, порой дело совсем не в велосипеде, а в том, что в русском менталитете есть сильная тяга к тому, чтобы нарушать запреты, рисковать и испытывать сильные эмоции. Кто-то, почувствовав такую тягу, займётся паркурком или прыгнет с парашютом, а менее осознанные люди, увы, пойдут откручивать колёса чужого велосипеда ради этих же самых эмоций.

Впрочем, русские, которые давно живут в Германии, говорят, что изредка здесь случаются кражи, но на доверии людей друг к другу это почти не сказывается.

Ещё меня умилило, что во дворах вокруг многоэтажек попадаются самые настоящие ухоженные грядки с цветами. У нас тоже такое встречается, но в основном в провинциальных городках. Удивляюсь, как жители Мюнхена находят время на то, чтобы возделывать землю рядом с домом, но оно того стоит, потому что эти сады необычайно радуют глаз.

Меж тем подходило время обеда, а потом и нашего автобуса.

Гуляя здесь, я жалела только о том, что прилетела в Мюнхен всего на три дня – не ожидала, что будет так интересно.

Словения

Любляна

Из Мюнхена мы отправились покорять следующую европейскую столицу – город Любляну. Будучи в Америке, Антон приобрел для нас два билета в шикарный двухэтажный автобус. Он оказался удачливым покупателем, потому что нам достались лучшие места – на втором этаже перед лобовым стеклом, так что мы могли сполна узреть европейские земли, а именно Австрию.

Вообще говоря, во время долгой дороги я собиралась писать заметки, но затея эта с треском провалилась. Я не подозревала, что в Австрии может быть настолько красиво.

В разных своих поездках я оказывалась в удивительных марсианских горах на полуострове Синай, лакомилась свежими финиками в оазисе Сива, забиралась в Мокрушинские пещеры на Дальнем Востоке, купалась в горном озере Табацкури; но пейзажи Австрии ошеломили меня напрочь.

После каждого поворота перехватывало дыхание: как такое вообще возможно? Как в холодной и тёмной вселенной могла возникнуть такая совершенная планета?

Мы ехали по изогнутым арочным мостам, и по обеим сторонам от них разбегались небольшие деревушки. Светлые домики прижимались друг к другу словно овцы, волнуясь, как бы не потерять из вида своих сородичей. За домами взмывали вверх лесистые горы, мощные и надёжные. И мне казалось, что нет ничего более уютного на свете, чем зажигать по вечерам лампу под светлым абажуром в одном из таких домиков, пить чай с травами и чувствовать себя под защитой горы, которая укроет жителей деревни от всех напастей своей титанической, широкой спиной.

От главной трассы расходились в стороны другие дороги и терялись в долинах. Может, когда-нибудь я научусь водить, арендную машину и буду сворачивать на любую понравившуюся дорогу; и на первой передаче, жужжа, взберусь как можно выше, и настигну закат на одной из вершин, когда в долине, тем временем, уже стусятся сумерки.

Манящие, благословенные горы, я хочу к вам однажды вернуться!

Вечерняя Любляна, в которую мы приезжаем, дышит жаром прошедшего дня. Мы успеваем до закрытия магазина купить свежий хлеб.

– ХвАла! – благодарю я, вслушиваясь в это пока что новое и энергичное «спасибо», и мы идём по широкой улице Человская к нашему хостелу.

На крыльце нужного нам дома сидит худенькая девушка в платьице и, поджав под себя ноги, читает в сумерках книгу.

– Я как раз вас поджидаю, – встаёт она нам навстречу, и я понимаю, что это и есть администратор хостела.

Кроме нас, здесь остановился ещё один китаец. А нам вместо предполагаемой общей комнаты выделяют другую, как раз на двух человек.

Здесь мы чувствуем себя привольно, повсюду расползаются наши вещи и провода от ноутов и телефонных зарядок. Включаем кипятильник; неизменная русская привычка не позволяет уснуть без горячего чая.

Пользуясь уединением, Антон звонит по скайпу родителям и Олегу, своему давнему другу, с которым буквально только что ездил по США. Мы долго болтаем, заполночь.

Просыпаемся поздно. Особенность нашей комнатки в том, что здесь нет окон, поэтому утренний свет нас не разбудил.

Антон хочет побывать в мечети; вчера он нашёл нужный адрес в интернете. Она недалеко от железнодорожного вокзала.

Идём тихими улицами с одно- и двухэтажными домиками. Здесь тоже очень приятно, но уже нет той щепетильной заботливости, которая ощущалась на улицах Мюнхена: краска на многих домах облупилась, встречаются старые покосившиеся постройки; на стенах нарисованы граффити и топорщатся бумажные объявления, помахивая шупальцами с номерами телефонов. Встречаются и «потёмкинские» дома, деревянные стены которых обклеены с парадных сторон пластиковыми панелями, чтобы создать видимость, что столичный город шагает в ногу со временем. Те стены домов, которые обращены во двор, обычно не трогают, так и оставляют. Главное, что если по улице вздумает проехать какой-нибудь важный чин, он увидит новенькие, блестящие, пластиковые стены. Чудное зрелище! Я видела похожие старые дома, обклеенные пластиком, в Астане, когда Антон взял меня с собой в поездку по Сибири и Казахстану. Было это весной 2009 года, довольно давно.

– Антон, как же они так неразумно поступают? Ведь дерево под пластиком может начать гнить, ветшать, и чинить такие дома будет очень неудобно.

– Ксюх, ты ж понимаешь, что им нужен сиюминутный эффект.

– Да, понимаю, конечно. Но это такая неразумная трата бюджета! Прямо не по-европейски! – возмущаюсь я.

Случайно набредаем на железнодорожный музей. Он дороговатый, и совсем небольшой. Мы решаем на этот раз остаться жадными и не «поддерживать экономику музея», как говорит Антон. Кажется, что самая интересная экспозиция как раз-таки снаружи, потому что сюда пригнали множество старых составов и локомотивов. Обогнув музей, мы видим чудо из чудес – поворотный круг, причём в рабочем состоянии. Я видела поворотный круг только в театре и поначалу не понимаю, зачем он тут, перед зданием депо.

– Смотри, круг нужен, чтобы локомотив мог развернуться в обратную сторону. Он заезжает на круг и с его помощью поворачивается. А потом его снова прицепляют к вагонам, и он продолжает путь.

– А вагонам разворачиваться не нужно, их ведь с любой стороны можно прицеплять? Только локомотиву?

– Ага, да.

Хоть нам с Антоном и далеко до настоящих транспортных фанатов вроде нашего приятеля Гоши Красникова, но мы с удовольствием всё фотографируем, лазаем по локомотивам. Я удивляюсь, насколько они удобны для лазанья: на каждом шагу перекладины, поручни и приступочки, за которые можно ухватиться – сплошное удовольствие. Мне кажется, надо на детских площадках ставить похожие паровозики – это интересней, чем турники и перекладины.

А вот на месте мечети, в которую Антон мечтал попасть, оказался громадный котлован. В нём только начиналось строительство грандиозного молебельного дома, как объяснили рабочие. Антон удивляется:

– Чем затевать стройку века, поставили бы для начала небольшую мечеть. А то на такой грандиозный проект столько денег нужно затратить, и не факт, что мечеть достроят. Или будут лет пять-десять строить.

– Эх, Антон, им бы твою светлую голову, – хмыкаю я.

Мы решили в первый день исследовать центр города, а второй – посвятить окраинам.

И углубились в центр, к реке Люблянице и знаменитому Драконову мосту. Как можно догадаться, по обе стороны моста поселилась четвёрка драконов. Многие путеводители и справочники повествуют о том, что изначально мост был деревянным, и построили его в далёком 1819 году. Простоял он так целых 76 лет (до 1895 года), пока не произошло сильное землетрясение, которое разрушило много построек, в том числе, увы, и мост. Его снова отстроили, на этот раз из бетона, и посвятили Францу Иосифу I, у которого как раз случился юбилей – сорок лет правления.

А по одной из легенд, где-то в этих краях Ясон вместе со своими верными спутниками сразился против дракона, который долгие годы пугал местных жителей. Конечно, храбрый Ясон победил чудище. А потом основал на этом месте город, со временем превратившийся в современную Люблян. И хотя дракон был отрицательным персонажем в этой легенде, именно он стал символом города.

Мне драконы показались красивыми. Несмотря на весь свой грозный облик, перепончатые крылья и острые зубы, они величавые и гибкие, и хочется долго смотреть на эту мощь, запечатлённую в камне.

На центральных улицах Любляны всё было непринуждённым и расслабленным: книжные развалы с призывной вывеской «1 €» (то есть всё по одному евро), антикварные лавки, нарисованное на стекле магазина семейство Муми-троллей из книг знаменитой Туве Янсон, которые так обожают дети; выглядывающие из окон цветы в плетёных кашпо... Ярким штрихом в памяти остались электрические провода, к которым за шнуры были привязаны кеды и ботинки. Они нависали над улицей как гроздь винограда, и я никак не могла понять, что это такое. Видела, как в некоторых городах смело развешивают бельё на центральных улицах. Иногда так привыкаешь, что не удивляешься. Но такого – десятки ботинок, раскачивающихся над головами в центре столичного города – я не видела. Может это, не побоюсь такого слова, инсталляция?

Между тем наступило самое жаркое время суток. Неимоверное для меня пёкло; совсем не привыкла к таким температурам. Мы вышли к рынку и очень кстати обнаружили источник с водой. Какая радость!

Улицы плавно вели куда-то вверх. Антон по карте определил, что мы недалеко от Люблянского замка, стоящего на горе, и поспешил к нему.

На вершине глазам нашим открылась древняя каменная крепость с башенками и узкими окнами. Через ров к массивным дверям вели прочные деревянные мосты; сам ров порос мягкой невысокой травой. У стен крепости как грибы после дождя выросли многочисленные кафешки и сувенирные лавки. Гуляя здесь без путеводителя, я и не задумывалась, что в давние времена крепость успела пережить нашествие турков, крестьянские войны, и наполеоновское вторжение. Простояв почти восемь веков, нашествие Бонапарта крепость всё-таки не выдержала, и династии Габсбургов пришлось заняться её восстановлением. Как это часто водится, крепость долгое время служила тюрьмой, а в начале XX века мэр Любляны надумал открыть здесь музей, но воплощение этой задумки изрядно затянулось. Целых полвека замок был пристанищем для простых жителей Любляны. Меня очень удивило, что тут обитали обычные горожане – это всё равно что жить в Кремле. Помню, как ездила с друзьями в подмосковный город

Дмитров и, когда мы гуляли по крепостному валу вокруг местного Кремля, я вдруг заметила, что из трубы деревянного домика идёт дым.

– Что это? Музей? – поинтересовалась я у попутчиков.

– Нет, что ты. Здесь просто люди живут. Это местные жители.

– В смысле? Вы хотите сказать, что внутри Кремля живут обычные люди?

– Да, в некоторых городах такое бывает.

Теперь я, конечно, удивляюсь этому меньше, но всё же.

Возвращаясь к рассказу о люблянском граде, скажу, что сейчас там открыт археологический музей и проходят художественные выставки.

...Мы с Антоном, утомлённые жарой, развалились на скамейке в тени.

– Ну как, наслаждаешься ли ты жизнью, товарищ Ксюх? – спросил меня Антон.

– Относительно. Здесь интересно, но такая жара – это не по мне.

– Но ведь холод ты тоже не любишь?

– Да, тоже не люблю. Мне тяжело переносить и холод, и слишком сильную жару. Больше всего люблю температуру от +17 до +27 градусов.

– Ты у нас, получается, прямо как редкостная картина, тебя нужно хранить при специальной температуре. Ты не Ксюх, а КСУХ – женщина Специальных Условий Хранения.

– Хаха! Сравнение с картиной – это лестно, я даже начинаю ощущать себя драгоценностью.

Спустившись вниз, мы обнаружили рядом с центральным рынком млекомот, похожий на наши советские автоматы по продаже газировки. Только разливал он, как можно догадаться по названию, ни что иное как молоко. Вокруг млекомота сгустилась толпа китайцев, которые кричали и радовались как дети, и с широченными улыбками кидали монетки в утробу автомата, чтобы попробовать заветный напиток. Мы с Антоном переглянулись и рассмеялись – возбуждённые говорливые китайцы казались нам трогательными. Я как большой любитель молока, мысленно разделяла их эмоции.

В млекомоте продавалось не только молоко, но и питьевые йогурты и напитки типа нашего «Снежка» – всё свежее и очень вкусное. Отлично, между прочим, придумано – вместо того, чтобы пытаться утолить жажду разными вредными газировками, можно купить йогурт в млекомоте, и получить в одном флаконе и питьё, и еду.

Возвращаясь домой, мы набрали на парк, который тянется параллельно нашей Человской улице. После изнуряющей жары, от которой гудит всё тело, я ощутила себя в своей тарелке – здесь тенисто и прохладно, а статуя Приможя Трубора – словенского первопечатника сродни нашему Ивану Фёдорову – напоминает скульптуры в моём родном парке Дружбы. Очутившись в этом зелёном островке, я вдруг понимаю, как хочется отдохнуть на природе, не спеша, без гудков автомобилей и верениц домов. Антон, напротив, любитель городской жизни до мозга костей, и в парках ему скучно. Он спешит обратно в хостел и делится со мной мыслями о завтрашнем дне – хочет посмотреть городские окраины и отыскать мечеть.

Вечером я обнаружила сообщение от нашего приятеля-путешественника Гоши Красникова. Узнав, что мы в Словении, он советует съездить на озеро Блед, активно нахваливая это место. «Это ж далеко, через всю страну ехать!» – возражаю я. «Да какие там расстояния, всего полтора часа от Любляны».

Да что ж ты будешь делать! Я ведь и в самом деле давно хотела увидеть это волшебное озеро, но меня в который раз подводит привычка мерить все страны по масштабам карты России. Когда я разглядывала карту Словении, даже не подумала, что до другого уголка страны можно добрать не за несколько суток, а всего за час. Я смотрю фотографии Бледа и всё острее чувствую, как мне хочется туда попасть, посидеть в жаркий день у тихой воды, и сделать, как другие путешественники, много однотипных снимков прекрасной тоненькой Мариинской церкви – главной достопримечательности здешних мест. И, конечно, не в снимках дело – просто так важно испытать *свои* переживания, прикоснувшись к красоте ещё одной точки земного шара.

Говорю о своих метаниях Антону. Мне неловко оттого, что я так внезапно захотела менять планы, но боюсь, что другой шанс увидеть озеро представится очень и очень нескоро.

Он удивляется и смеётся:

– Ну и ну! Мне приходится тебя по полгода уговаривать куда-нибудь съездить, а тут какой-то Гоша за пару минут соблазнил тебя этим озером так, что ты прям жить без него не можешь.

– Ты же сам считаешь Гошу величайшим мудрецом – значит, он плохого не посоветует, – парирую я со смехом. – А увидеть Блед я давно хотела, но забыла, что мы будем проезжать так близко от него. Так что Гоша не виноват, разве что совсем чуть-чуть.

– *«Посетить какой-то Блед*

Я мечтала много лет»,

– тут же сочиняет Антон, – ну хорошо, пусть мечты сбываются. Давай тогда продумаем, как нам завтра поступить.

В итоге решили на полдня разделить: я поеду в Блед на первом утреннем автобусе, Антон будет изучать дальние районы Любляны, а к вечеру мы воссоединимся на автостанции и отправимся в другую европейскую столицу – город Загреб.

Блед

Чтобы увидеть озеро Блед в утреннем свете, когда оно ещё нежное и прохладное, я встала ни свет ни заря и успела аккуратно к семичасовому автобусу. В пригород ехало довольно много людей, и, судя по всему, не отдыхать, а по своим делам. Туристов же было всего человек пять-семь.

Спускаясь от автостанции к озеру, я наткнулась на детскую площадку и увидела совершенно идиллическую картину: на деревянных качелях раскачивались отец и сын. Беззаботные, они хохотали и перебрасывались короткими фразами; взмывали вверх то синхронно, то вразнобой, загораживая на миг солнце своими спинами. А потом ухали вниз, и качели от каждого такого уханья поскрипывали, будто от щекотки.

«Как же заразительно они качаются» – подумала я.

Мне так нравилось на них смотреть, и я не вполне сознавала, что такого важного в этом зрелище. Но словно на машине времени я перенеслась в те дни, когда могла часами качаться на площадке рядом с домом и обожала секунды невесомости в верхних точках, уверенная, как вот-вот смогу прикоснуться к солнцу.

Я вскинула фотоаппарат, ощущая, насколько значимы такие мелочи: качели, утреннее солнце, смешливый разговор. Я ехала сюда, к этому озеру, рисуя заранее, как меня настигнет эйфория, когда я поднимусь на гору и увижу Блед с высоты птичьего полёта. Но я и представить не могла, как остро ощущается счастье, когда видишь, что оно, как паззл, складывается из небольших деталей прямо здесь и сейчас, и каждая такая деталь имеет своё предназначение. И я вроде готовилась к понятным и обоснованным радостям, которые специально организу-

ешь, как поход в музей или в гости. Но бывает и по-другому. Сейчас ощущение полноты жизни захватило непредсказуемо, когда вроде бы ничего не происходило. У Чехова есть так называемая «драма бездействия», когда зритель испытывает сильные эмоции и ощущает остроту переживаний от собственных осознаний и наблюдений, хотя по факту на сцене ничего особенного не случается: никто не погибает и не женится, люди не сражаются на дуэли – в общем, ничего трагичного, масштабного или рокового. Течет обычная жизнь, и каждый погружен в переживания о чём-то для него значимом, или же занимается бытовыми вопросами. Так вот, мне кажется, наряду с «драмой бездействия» есть «счастье бездействия» – когда без натужных стараний ты вдруг видишь ценность каждой детали, каждого момента.

Сколько раз я читала и слышала о том, что счастье в мелочах. И даже иногда соглашалась с этим, но очень редко испытывала. А тут вдруг – снизошло, осенило, пронзило! И я даже объяснить не могу, почему всё это ощущалось таким магическим. Да, вот так. Мир, оказывается, бывает гораздо более щедрым, чем ожидаешь от него. И когда, наконец, удаётся ощутить это всем своим существом, а не прочесть в умной статье – это дорогого стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.